

УДК 94(411).03

Купцы и ремесленники «Кентерберийских рассказов» Джеффри Чосера**Яблонская Ольга Васильевна**

Кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории и обществознания,
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Арзамасский филиал),
607220, Российская Федерация, Арзамас, ул. Карла Маркса, 36;
e-mail: oyablonskii@yandex.ru

Аннотация

Джеффри Чосер – представитель гуманистической литературы, сумевший на страницах «Кентерберийских рассказов» отобразить всю панораму общественной жизни Англии XIV в. Эпоха Чосера – время формирования в недрах феодализма индустрии нового времени, развития товарного производства, укрепления торгово-ремесленных слоев в общественной структуре страны. Рост производства, массивный экспорт шерсти и тканей превратили страну в эпоху развитого Средневековья в сильнейшее государство Европы. При Эдуарде III принимаются законы, ограничивающие вывоз шерсти за границу и поощряющие экспорт сукна. Наличие сырья, подъем ремесла, урбанистические процессы, протекционистская политика короны способствовали появлению в Англии широкого и богатого торгового слоя. Поэт-купец уделяет особое внимание этому сословию, отмечая, как эти смелые и предприимчивые торговцы сколачивали огромные состояния на опасной международной торговле, занимались выгодным ростовщичеством. Автор-гуманист приветствует обогащение и укрепление третьего сословия, связывая с ним будущее своей страны. В заключении делается вывод о том, что придворному поэту-гуманисту, приближенному королевского двора, сыну купца и таможенному надсмотрщику удалось понять кардинальные социально-экономические процессы средневекового общества и в ярких образах купцов и ремесленников отразить эти изменения на страницах произведения.

Для цитирования в научных исследованиях

Яблонская О.В. Купцы и ремесленники «Кентерберийских рассказов» Джеффри Чосера // Культура и цивилизация. 2019. Том 9. № 3А. С. 5-12.

Ключевые слова

Чосер, Англия, Эдуард III, торговля, ремесло, гуманизм, Средние века.

Введение

XIV век – особая эпоха в истории Англии. Именно тогда были созданы условия для индустрии нового времени и превращения страны в великую торговую державу, именно тогда на авансцену истории вышли купцы и ремесленники. Современником происходивших процессов был представитель европейской гуманистической культуры Джеффри Чосер, анализу «Кентерберийских рассказов» которого и посвящена данная статья. Поэт, живший во второй половине XIV в., являлся уже человеком развитой городской цивилизации со своей социально-экономической, политической структурой, духовной атмосферой. Он происходил из семьи богатых купцов, его отец и дед принадлежали к корпорации виноторговцев Лондона – одной из ливрейных компаний, поэтому среда городских тружеников, о которой он много пишет, была ему хорошо знакома. Чосер описывает все группы английского населения вместе, причем не как сторонний наблюдатель, а как человек, находящийся в гуще событий. Его произведение не дидактического характера, как у Ленгленда, где герои являют собой искусственное воплощение зла или добра. Персонажи Чосера, органически сочетающие в себе пороки и добродетели, отличаются жизненностью и правдивостью. Поэт знает и принимает их такими, какие они есть, видя в них одновременно и субъекта, и объекта исторического процесса. Противоречивое время породило этих людей, присущие эпохе недостатки впитываются и распространяются его героями. Будучи истинным гуманистом, автор своих героев не осуждает.

Основная часть

В эпоху Чосера – эпоху производства, накопительства и стяжательства – все более важную роль в жизни общества начинают играть богатые горожане, а доблестные дворяне сходят с исторической сцены. Анахронизмом выглядит благородный, но нищий рыцарь с его рассказами о далеком героическом прошлом [Чосер, 2012, 22-64; Яблонская, 2018, 324]. Его бедность говорит о невозможности и нежелании жить в мире искусственных ценностей и потребительства. Чосер с сожалением вынужден признать, что уходит время умных, смелых, но непрактичных палладинов. Благородные аристократы выполнили свою историческую задачу, сыграли свою роль, теперь наступила эпоха мирной деятельности, а не ратных подвигов, материального благополучия, а не аскетизма. Пришло время практиков, меняющих эту земную жизнь, пользующихся материальными благами и увеличивающих эти блага.

Дж. Чосер писал свои «Кентерберийские рассказы», когда королем Англии был Ричард II, прославившийся не столько мудрым правлением, сколько любовью к роскоши, поразившей вслед за двором и знатью все слои общества. Поэт яркими мазками рисует картину погружения европейских жителей в «грех роскошества». Сквайр не следует ценностям мира рыцарства своего отца, он стремится к плотским удовольствиям [Чосер, 2012, 9]. Не исповедует христианские аскетические заповеди и духовенство [Чосер, 2012, 11-14; Яблонская, 2018, 326]. Миряне еще более предаются плотским грехам. Этому обществу искусственных ценностей, обществу-подделке противостоят только Приходской священник и Пахарь. Но таких людей, живущих праведной и простой жизнью, среди персонажей Чосера мало.

Комфорт людей обеспечивали ремесленники, ведь именно они создавали хорошую еду, дорогую одежду, украшения. Ремесленники не занимают высокую ступень в социальной пирамиде. Красильщик, Плотник, Шапочник, Ткач, Обойщик «не пускались вскачь» с купцами и рыцарями [Чосер, 2012, 16]. Впрочем, и они сознают собственную значимость, поэтому

держатся особняком. У них высокие доходы, позволяющие с комфортом благоустраивать жизнь, одежду они носят «из добротного сукна», «ножи в серебряной оправе, а не медной». Чтобы в пути на богомолье не отказывать себе в привычных яствах, ремесленники везут с собой искусного повара, «чтоб он цыплят варил им, беф-буйи, и запекал им в соусе румяном с корицей пудинги иль с майораном...» [Там же, 16-17].

Поэт-гуманист с уважением относится к ремесленникам, ведь их богатство получено самым достойным образом – трудом. У них нет нужды обманывать. Общество потребления формировало высокий спрос на разнообразные изделия, а они лишь удовлетворяли их потребности, неплохо на этом зарабатывая. Мудрость, трудолюбие, богатство, участие в политическом управлении дают им право иметь почетное место в церкви, пополнять ряды джентри. Их жен уже величают «мадам», они носят длинные, как дворянки, шлейфы [Там же, 16].

Ремесленники – типичные представители города. Если для торговцев Чосер использует общее название, то у ремесленников, где в первую очередь ценилось высокое мастерство, он не забывает указать цеховую принадлежность. Профессиональные корпорации составляли основу социальной структуры Средневековья, предоставляли гражданство, сплачивали и защищали людей, помогали им вести диалог с властью через свои представительные органы, позволяли чувствовать себя полезными всему обществу и государству. Каждая гильдия выполняла свою функцию в разделении труда. Наши герои – Красильщик, Плотник, Шапочник, Ткач, Обойщик – умело управляют не только ремеслом, но и городом, «не тщетно заседа в Гилдхолле» [Там же].

В цехах большое внимание уделялось внешней символике. Поэтому персонажи Чосера едут на богомолье в «одежде пышной цехового братства» [Там же] – ливреях. Цеховые костюмы в Средние века говорили о многом. Ливрея демонстрировала принадлежность к гильдии, подчеркивала стратификацию между корпорациями и внутри корпорации. Ливрея состояла из мантии и капюшона. Не все члены цеха могли позволить себе весь костюм, у некоторых были средства только на капюшон. Например, в богатейшей лондонской корпорации grosеров в 1430 г. 42 члена совсем не имели костюма, 17 – только капюшон, лишь 55 человек имели полную ливрею [Unwin, 1911, 190].

Трое из перечисленных ремесленников – Красильщик, Шапочник и Ткач – связаны с шерстяным производством. Кроме того, в компании была еще Батская ткачиха. Шерсть составляла основу английской экономики, она обеспечила Англии долгое и стабильное развитие, делала страну экономически независимой. Шерстеобработка и ткачество появились задолго до нормандского завоевания, являясь побочным производством в крестьянском хозяйстве. Городская экономическая структура создавала более благоприятные условия для развития текстильного производства. В города поступала шерсть со всей сельской округи, обеспечивая ремесленников необходимым сырьем, здесь же проживали и потребители сукна – от простых смертных граждан до духовных и светских лордов с их изысканными вкусами. Профессиональное деление горожан благоприятно сказывалось на производстве. И именно в шерстяном производстве появились первые цехи. Из семи корпораций, документально зафиксированных в 1130 г., было пять объединений ткачей – в Лондоне, Винчестере, Линкольне, Оксфорде и Хантингдоне, одна гильдия сукновалов Винчестера и одна – кожевников в Оксфорде. С XIII в. в суконном ремесле стали повсеместно использовать мельницы, что позволило производить продукцию больше, дешевле и качественнее. Однако мельницы привели к разорению многих сукноделов. Поэтому городские ткачи, стараясь сохранить монополии, выступали против технических нововведений, что подтверждают цеховые запреты на

использование мельниц [Riley, 1868, 394-402]. Но остановить прогресс было невозможно, использование мельниц со временем лишь расширилось.

Эдуард III видел большие перспективы в развитии этой отрасли, поэтому стремился привлечь в Англию высококвалифицированных мастеров из других стран. С этой целью в 1337 г. он издает статут, гарантировавший покровительство всем иностранным ткачам [The statutes..., 1810, vol. I, 280-281]. Искусные ремесленники Фландрии, вынужденные работать у себя на родине в условиях жесткой конкуренции, а также гонений и эксплуатации со стороны местного графа и Филиппа Валуа, особенно усилившихся после битвы при Касселе в 1328 г., охотно отозвались на приглашение Эдуарда поселиться и работать на Британских островах. В Англию хлынул целый поток фламандских производителей. Большинство поселилось в Лондоне, что привело к возмущению местных ремесленников [Эшли, 1897, 478]. Столичные горожане неоднократно пытались выжить из страны иноземцев, удобный случай им предоставился в 1381 г. во время восстания У. Тайлера. Авторы «Хроники Лондона» [Kingsford, 1827] и «Анонимной хроники» [Galbraith, 1970] сообщают, что мятежники в столице убивали всех иностранцев, но, очевидно, больше всех пострадали переселенцы из Фландрии [Stow, 1603]. Узнавали их по неправильному произношению слов «сыр» и «хлеб» (вместо «chese» и «breede» они произносили «case» и «brode») [Lipson, 1937, 533]. И даже стены храма Св. Мартина не смогли обеспечить защиту несчастным фламандским ткачам. В округе Винтри на одной из улиц лежало в куче около 40 обезглавленных трупов [Riley, 1868, 450]. Их уничтожением руководил Джек Стро. Чосер упоминает эти события: «Джек Стро, наверно, так не голосил, когда фламандцев в Лондоне громил» [Чосер, 2012, 434].

Для промышленности в целом приток высококвалифицированных мастеров имел положительные последствия: улучшилось качество производимой продукции, усовершенствовались технологии производства, увеличились объемы продукции. Теперь производство тканей стало основной отраслью страны. Во второй половине XIV в. появились и английские высококвалифицированные сукноделы. К таким относится и главный женский персонаж «Кентерберийских рассказов» – Батская ткачиха, «большая мастерица – ткачихам гентским впору подивиться» [Там же, 18]. Она ехала вместе с другими на богомолье из города Западной Англии, расположенного в долине реки Эйвон, возле южной окраины Котсуолда, одного из главных сукнодельческих районов. Мастерство Батской героине приносит неплохой доход, о ее материальном благополучии свидетельствуют ее наряды: «Платков на голову могла навесить, к обеду снаряжаясь, сразу десять, и все из шелка иль из полотна; чулки носила красные она и башмачки из мягкого сафьяна» [Там же, 19]. Но время жизни Чосера было лишь началом вытеснения иностранных конкурентов с рынков. Знатные модники все еще предпочитали приобретать продукцию континентальных мастеров, поэтому красавец сэр Топас одет в штаны из брюггского сукна, а обувь из Кордовы [Там же, 361].

Быстрый подъем английского сукноделия мог произойти только при наличии крупного капитала. В деревне и маленьких провинциальных центрах у крестьян и ремесленников не было больших средств. Свободные капиталы в Средние века могли иметь только купцы. Появление широкого предпринимательского слоя в Англии со значительными денежными массами произошло в том же XIV в. – веке Чосера.

Купцы Альбиона прошли долгий путь, накапливая национальные капиталы, начиная главным образом с торговли шерстью. Как и ремесленники, они прилагали много усилий, чтобы вытеснить иностранных конкурентов с рынков страны. В конце XIII в. британским купцам принадлежала одна треть всей продаваемой шерсти. Бристоль еще в XII в. добился запрета для

иностранцев покупать зерно, кожу, шерсть у «негорожан», пребывать больше 40 дней, сходить с кораблей и жить в городе. С начала XIII в. такие же правила устанавливаются в Лондоне, Уотерфорде и других городах [Lipson, 1937, 519-520]. Но полностью вытеснить иностранный капитал, а вместе с ним и купцов в тот период еще не было возможности. Положение стало меняться коренным образом с середины XIV в. К этому времени, благодаря реорганизации цеховой системы, торговля отделилась от производства, появились дилеры, занимавшиеся исключительно сбытом продукции, что позволяло им сосредотачивать в своих руках значительное «денежное имущество». Разбогатевшие английские купцы добились санкции на учреждении в Кале складочной базы шерсти. Эдуард III, осознавая, что для английской экономики выгоднее торговать готовыми изделиями, а не сырьем, принимает законы, направленные на защиту отечественных производителей. В упомянутом статуте 1337 г. вводятся ограничения на вывоз шерсти из страны, ввоз сукна, приобретение одежды импортного производства [The statutes..., 1810, vol. I, 280-281]. Кроме того, были установлены высокие пошлины на шерсть – 33%, низкие на готовую продукцию – всего 2% [Carus-Wilson, 1967, 248]. Следствием этих мер стало то, что Англия уже во второй половине XIV в. заявляет о себе как о крупнейшем поставщике тканей. Помимо оптовой торговли или вместе с ней крупные капиталы можно было сколотить на ростовщичестве. Начавшаяся 100-летняя война ускорила процесс накопления, среди британцев появились настоящие «воротилы» денежного мира. Впрочем, в период жизни Чосера ломбардский капитал еще использовался всеми европейскими купцами [Чосер, 2012, 350].

Купцы часто встречаются в произведениях Чосера, ведь он сам происходил из семьи виноторговцев. К коммерсантам относится и один из участников богомольческой компании. Чосеровский персонаж предстает самодовольным щеголем, демонстрирует всем свое богатство: «шапку фландрского бобра», «сапоги с наборным ремешком» [Там же, 14]. Он заработал капиталы, ведя довольно сложные денежные дела, вся его жизнь – это покупки, продажи, счета и пересчеты долгов [Там же, 349-350]. Нелегкий труд купца приносил ему богатство и уважение среди сограждан [Там же, 14]. В те времена, как сообщает Чосер, если человек был богат, то «умником его все почитали» [Там же, 342]. Но купцы, путешествовавшие по всему миру, действительно отличались от остальных средневековых жителей образованностью и широтой кругозора. Послушать их рассказы «про берег отдаленный, про нравы и дела чужих краев» любил сам султан [Там же, 125]. Многие богачи незнатного происхождения XIV в. оказались среди ближайшего окружения Эдуарда III, Ричарда II, Генриха IV. Незаменимыми помощниками в важнейших государственных делах в эпоху Чосера были представители семейства де ля Полей, Дж. Поутни, У. Уолворт, Дж. Филпот, Р. Уиттингтон и сам поэт. Английские короли, осознавая выгоды развития ремесла и торговли, принимали законы для поддержания рыночной инфраструктуры, имущества и бизнеса отечественных коммерсантов за границей. Купец «Кентерберийских рассказов» утверждает, что защита торговых путей является обязанностью власти [Там же, 14].

При всех достижениях богачей в сложных кредитно-финансовых операциях Чосер не самого высокого мнения о них, так как их капиталы получены нечестным путем. Торговцы и сами признают, что обман является главным способом обогащения: «Вот я иной раз дураку продам и то, чего, по правде, не имею» [Там же, 347]. Но и эти хитрецы способны стать жертвами мошенников. Обманут женой, обманут священником Жаном, рядившимся в друга и брата, хитрейший купец в рассказе Шкипера. Дружба, любовь искренняя привязанность оборотистым ловкачам недоступны, все для них стало предметом торга.

Купцы, сохраняющие благоговение перед аристократизмом, стремятся сблизиться с высшей знатью, охотно соглашаясь на заключение брака с бедными, но знатными людьми. Рядом с богачами в рассказах Чосера всегда находится жадный клир. Церковники любят состоятельных купцов, откупают все их прегрешения, отчасти являющиеся издержками профессии [Там же, 11-14]. Бедных пастырей, несущих слово Бога людям, как показывает Чосер, осталось мало, большинство священников мечтают не о спасении паствы, а о получении «гильдейского, хлебного» прихода [Там же, 20].

Средневековое сознание облекало все проявления жизнедеятельности в религиозную оболочку, цехи не были исключением. Цехи назывались «братством», так как ремесленники одной специальности селились рядом, образуя приход со своей церковью и святым. Братством они называются и у Чосера. Горожане завещали на религиозные цели значительные богатства, надеясь гарантировать вечное благоденствие себе, своей семье и своей корпорации. Возможно, осознание превратностей судьбы было одним из мотивов филантропической деятельности купцов. Торговля, как верно подметил Чосер, – рискованное дело, купцы «то богатеют, то разоряются» [Там же, 14]. Горожане почитали церковные власти. Для разрешения конфликтных ситуаций они часто обращались в церковный суд. Таким образом, сложился своеобразный союз торговцев, наживающихся зачастую нечестным способом, надеющихся отомстить свои грехи и «в своем тщеславье тленном иметь в родстве духовное лицо» [Там же, 343], и клира, забывшего о нестяжательских принципах истинной христианской жизни, готового оказать любые услуги за финансовую помощь.

Но далеко не все купцы и ремесленники были богатыми. В период жизни Чосера наблюдается противостояние внутри цехов – между мастером и учениками с подмастерьями. В XIV в. мастер из собрата, который когда-то со своими обучающимися помощниками работал вместе и обедал за одним столом, превратился в предпринимателя, занятого организацией производства, сбытом товаров, а также получением прибыли, которой он неохотно делился с другими сотрудниками. Статус ученика или подмастерья стало крайне трудно изменить. В рассказе повара Чосер показывает пример таких отношений. Его Подмастерье Перкина трудно назвать добросовестным работником, он задира, озорник, певун и щеголь, обворовывает хозяина и доставляет ему другие проблемы. Вероятно, выгода была от содержания такой вороватой, но бесплатной рабочей силы, поэтому хозяин, несмотря на пороки Перкина, продолжает его держать при себе, не выдавая вовремя свидетельства [Там же, 118-119]. Из-за все более усиливающегося неравенства о гармоничных взаимоотношениях внутри цехов говорить не приходится. Неравенство становилось все более заметным, что вело к возникновению различных форм борьбы между мастерами и учениками, вплоть до заговоров против мастеров [Riley, 1868, 217-218, 226-228, 247; Thomas, 1929, vol. 2, 32-33, 107, 128, 220; Thomas, 1932, vol. 3, 126, 170]. Во время восстания У. Тайлера подмастерьям и ученикам был предоставлен шанс отомстить хозяевам, и они воспользовались ситуацией. Так, в Лондоне, как только ученики увидели мятежников, бросили свои мастерские и присоединились к восстанию. Они уничтожали ученические контракты и не щадили своих наставников [Trevelyan, 1900, 227]. Однако Чосер не показывает нам картины нищеты и социального недовольства, предпочитая демонстрацию великой жизнестойкости английского народа, воплощенную в Пахаре.

Заключение

XIV столетие был переломным в истории Англии. Это время формирования в недрах феодализма рыночного хозяйства, появления широкого слоя ремесленников и купцов.

Европейское общество нуждалось в таких профессионалах, ведь они обеспечивали их всеми необходимыми материальными благами. Трудно переоценить историческое значение этого процесса. Уходили в прошлое прежние религиозные, военные и иерархические установки феодального общества, формировались новые гуманистические ценности. Джеффри Чосер увидел эти изменения и языком ярких художественных образов смог отразить в своем творчестве. Он изобразил реалистичных людей, воспел их чувства, показал их дела на пользу общества.

Библиография

1. Чосер Дж. Кентерберийские рассказы. М.: Художественная литература, 2012. 951 с.
2. Эшли У. Экономическая история Англии в связи с экономической теорией. М.: Типография А.Г. Кольчугина, 1897. 815 с.
3. Яблонская О.В. Порочная аристократия и добродетельные труженики Джеффри Чосера // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2018. Т. 18. № 3. С. 323-329.
4. Carus-Wilson E. Medieval merchant ventures. Collected studies. L.: Methuen, 1967. 314 p.
5. Galbraith V.H. (ed.) The Anonimale chronicle, 1333 to 1381. Manchester – New York: Barnes & Noble, 1970. 216 p.
6. Kingsford C.L. (ed.) Chronicle of London from 1089 to 1483. L.: Longmans, 1827. 274 p.
7. Lipson E. The economic history of England. L.: A. and C. Black, 1937. 674 p.
8. Riley H.T. (ed.) Memorials of London and London life in the 13th, 14th and 15th centuries. L.: Longmans, 1868. 800 p.
9. Stow J. Annales of England. L., 1603. 458 p.
10. The statutes of the realm. L.: Majesty's Stationery Office, 1810. Vol. I. 435 p.
11. Thomas A.H. (ed.) Calendar of plea and memoranda rolls of the city of London. L.: Majesty's Stationery Office, 1929. Vol. 2. 359 p.
12. Thomas A.H. (ed.) Calendar of plea and memoranda rolls of the city of London. L.: Majesty's Stationery Office, 1932. Vol. 3. 369 p.
13. Trevelyan G.M. England in the age of Wyclif. London – New York: Longmans and Co., 1900. 227 p.
14. Unwin G. The gilds and companies of London. L.: Methuen & Co., 1911. 397 p.

Merchants and craftspeople in *The Canterbury Tales* by Geoffrey Chaucer

Ol'ga V. Yablonskaya

PhD in History,
Associate Professor at the Department of history and social studies,
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Arzamas branch),
607220, 36, Karla Marksa st., Arzamas, Russian Federation;
e-mail: oyablonskii@yandex.ru

Abstract

The author deals with Geoffrey Chaucer as a representative of the early humanistic literature. He managed to show the whole panorama of the social life of the 14th century in England in *The Canterbury Tales*. The era of Chaucer is viewed as the time of formation of the feudalism of the industry of modern times, the development of commodity production, the strengthening of trade and craft layers in the social structure of the country. The growth of production, massive exports of wool and cloth turned the country into the strongest state of Europe in the Middle Ages. The availability of raw materials, technological progress, urban processes, the protectionist policy of the crown contributed to the emergence of a rich trading layer in England. Geoffrey Chaucer pays special

attention to this class. He points out that these brave, hard-working, enterprising, but cunning traders made huge fortunes by engaging in dangerous international trade, profitable usury, often associated with fraud. Geoffrey Chaucer welcomes the enrichment and strengthening of the commonalty. The author of the article concludes that Geoffrey Chaucer managed to understand the fundamental socioeconomic processes in the medieval society and to reflect these changes in the vivid images of merchants and craftspeople.

For citation

Yablonskaya O.V. (2019) Kuptsy i remeslenniki “Kenterberiiskikh rasskazov” DzhEFFri Chosera [Merchants and craftspeople in *The Canterbury Tales* by Geoffrey Chaucer]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 9 (3A), pp. 5-12.

Keywords

Chaucer, England, Edward III, trade, craft, humanism, Middle Ages.

References

1. Ashley W. (1888-1893) An introduction to English economic history and theory. (Russ. ed.: Ashley W. (1897) Ekonomicheskaya istoriya Anglii v svyazi s ekonomicheskoi teoriei. Moscow: Tipografiya A.G. Kol'chugina.)
2. Carus-Wilson E. (1967) Medieval merchant ventures. Collected studies. London: Methuen.
3. Chaucer G. (1478) The Canterbury tales. (Russ. ed.: Chaucer G. (2012) Kenterberiiskie rasskazy. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ.)
4. Galbraith V.H. (ed.) (1970) The Anonimale chronicle, 1333 to 1381. Manchester – New York: Barnes & Noble.
5. Kingsford C.L. (ed.) (1827) Chronicle of London from 1089 to 1483. London: Longmans.
6. Lipson E. (1937) The economic history of England. London: A. and C. Black.
7. Riley H.T. (ed.) (1868) Memorials of London and London life in the 13th, 14th and 15th centuries. London: Longmans.
8. Stow J. (1603) Annales of England. London.
9. The statutes of the realm (1810), Vol. 1. London: Majesty's Stationery Office.
10. Thomas A.H. (ed.) (1929) Calendar of plea and memoranda rolls of the city of London, Vol. 2. London: Majesty's Stationery Office.
11. Thomas A.H. (ed.) (1932) Calendar of plea and memoranda rolls of the city of London, Vol. 3. London: Majesty's Stationery Office.
12. Trevelyan G.M. (1900) England in the age of Wyclif. London – New York: Longmans and Co.
13. Unwin G. (1911) The gilds and companies of London. London: Methuen & Co.
14. Yablonskaya O.V. (2018) Porochnaya aristokratiya i dobrodetel'nye truzheniki DzhEFFri Chosera [Vicious aristocracy and virtuous workers in Geoffrey Chaucer's book]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of Saratov University. New series. Series: History. International relations], 18 (3), pp. 323-329.